

Б.Н. МИРОНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СССР

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (mironov1942@yandex.ru).

Аннотация. *Дезинтеграция СССР стала закономерным следствием советской национальной политики, направленной на коренизацию управления, ускоренную модернизацию союзных республик и на выравнивание уровней их развития. Запустив процесс коренизации управленческих кадров, Москва способствовала становлению современной национальной элиты на местах. Реализация проекта национально-государственного строительства привела к огосударствлению этнических и межнациональных отношений и суверенизации союзных республик, ставшей одним из принципиальных факторов распада СССР.*

Ключевые слова: *распад Советского Союза • национальная политика • коренизация • этническая структура государственного аппарата • этническая дискриминация • дерусификация органов власти*

DOI: 10.31857/S013216250014306-9

Уже 30 лет исследователи с неослабевающим интересом изучают обстоятельства и причины распада СССР. По оценке, на начало сентября 2020 г., в РФ написано более 3 тыс. статей, 300 книг и 20 диссертаций. Объяснения дезинтеграции можно разделить на две группы. В первой она рассматривается как закономерное следствие долго развивавшихся процессов, во второй – результат стечения случайных обстоятельств, ошибок руководства и внешних факторов. Первые часто называют дезинтеграцию распадом, имея в виду закономерность процесса и результата, вторые – развалом, подразумевая случайность явления и итогов [Миронов, 2021].

Дезинтеграция СССР оценивается как геополитическая катастрофа мирового масштаба. Чтобы понять ее причины, необходимо анализировать в междисциплинарном формате множество факторов, опираясь, прежде всего, на статистические источники. Такое исследование может выполнить научный коллектив. Отдельному исследователю под силу решение частных вопросов. В статье предпринята попытка рассмотреть дезинтеграцию Советского Союза в ракурсе дискриминации этносов, особенно титульных этносов республик, обладавших по конституциям 1924 и 1936 гг. ограниченным, потенциальным, государственным суверенитетом, а по конституциям 1977 и 1990 гг. – полным суверенитетом (титульным этносом называется народ, именем которого названа союзная республика; с 1956 г. их насчитывалось пятнадцать). Подобный ракурс определяется, с одной стороны, важностью проблемы – в перестроечный период политическое неравенство заняло заметное место в программах национальных партий и движений, в объяснениях дезинтеграции в этнополитических исследованиях. С другой – наличием массовых статистических источников, дающих возможность измерить динамику этнополитического неравенства в советский период по степени присутствия этносов в государственном управлении, в парламенте, органах правопорядка и суда, а также в армии с 1897 г. до 1989 г.

Российские этносоциологи давно изучают проблему этнического конфликта на почве неравенства этносоциального и этнополитического статусов народов России [Арутюнян, Дробижеева, 2016: 29–38]. Вехой на этом пути стали исследования коллектива социологов в рамках больших международных проектов под руководством Л.М. Дробижеевой [Асимметричная федерация..., 1998; Демократизация..., 1996; Конфликтная этничность..., 1995; Социальная и культурная дистанция..., 2002; Социальное неравенство..., 2002; Суверенитет..., 1995; Ценности и символы..., 1994; и др.]¹. Этносоциологи пришли к выводам, объясняя межэтнические конфликты в советской и постсоветской России. В частности, они считают политическую сферу главным пространством, где русские и нерусские ощущают неравенство. Дискриминация в доступе к власти является важнейшей причиной возникновения межнациональных противоречий. Этноты рассматривают возможность и действительное участие в управлении как критерий оценки своего положения в обществе и индикатор дискриминации. Утверждение демократии в формировании органов власти решает одни, порождая другие проблемы. Противоречивы результаты модернизации. Образование, личная свобода, статусная профессия, достаток, наличие свободного времени, доступность всех благ порождают у этнических групп (в особенности у отстающих в экономическом и культурном отношении) новые потребности, которые ранее отсутствовали. Возможности общества и государства их удовлетворить отстают от их роста; существующие принципы распределения благ не кажутся всем справедливыми. Возникает относительная депривация, провоцирующая недовольство. Когда государственная машина ослабевает, а власть воспринимается как нелегитимная, недовольство трансформируется в конфликт и неповиновение, как произошло в России конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Предметом нашей работы является политическое неравенство народов Советского Союза как причина его распада, объектом – аппарат работников управления и силовых структур союзных республик и СССР в целом. Конкретных задач две: 1) измерение уровня дискриминации при формировании властных структур; 2) оценка участия титульных этносов в управлении страной и союзными республиками.

Роль различных народов этноса в государственном управлении определяется не только числом его представителей во властных и силовых структурах. Важно другое – какие командные позиции они занимают, насколько эффективно их используют, какими статусом, престижем и влиянием располагают. Участие в управлении имеет первостепенное значение, о чем говорит механизм (как правило, неформального) паритетного и пропорционального квотирования по этническому признаку в системе органов власти, который применялся в полиэтничных союзных и автономных республиках в СССР, а в настоящее время – в автономиях РФ. Использование этой технологии объясняется тем, что демократический принцип комплектования органов власти не всегда обеспечивает пропорциональное представительство этнических групп, что кажется последним несправедливым, хотя этническое квотирование не гарантирует ни профессионализма управленцев, ни ответственности, добросовестности и нравственности, нередко порождая nepoтuзм. Особенно важен механизм квотирования в среднеазиатских, кавказских и северокавказских союзных и автономных республиках, сохранивших пережитки родовых отношений, общинных порядков и традиций, родственные и земляческие отношения [Неформальное этническое квотирование..., 2017: 1–53; Федорченко, 2010: 692–705].

Этническая структура советского и партийного аппарата давно привлекает внимание исследователей. В советское время этим вопросом занимались историки партии, в постсоветской историографии – историки, социологи и политологи, правда в контексте культурного, социального и демографического профиля советских и партийных работников. Выявлено много сведений. Однако данные хронологически и территориально отрывочны, не позволяя получить общей картины этнического состава органов управления за годы

¹ Почти во всех этих монографиях теоретические введения написаны Л.М. Дробижеевой (см., напр.: [Социальное неравенство..., 2002: 3–13]).

советской власти. В моем исследовании такая задача решается, насколько мне известно, впервые в историографии на основе данных переписей населения, которые хотя привлекались предшественниками, но отрывочно (см., например: [Динамика..., 2002; Социальное неравенство..., 2002]). Сведения об этнической занятости по переписи 1926 г. опубликованы, но не суммированы по СССР и РСФСР [Всесоюзная перепись..., 1928–1930], данные последующих переписей хранятся в архиве [Всесоюзная перепись..., 1959; Всесоюзная перепись..., 1979; Всесоюзная перепись..., 1989]. Перепись 1897 г. [Общий свод..., 1905] зафиксировала чиновников, находившихся на коронной и общественной службе без разделения по рангам, классам и сферам занятости. Советские переписи в сфере государственного управления учитывали только руководство органов исполнительной и законодательной власти, партийных и общественных организаций, а в сфере суда и правопорядка всех профессиональных работников. Сопоставление данных сведений статистики ЦСУ и переписей обнаружило: руководящие работники в общем числе управленцев составляли в 1926 г. 31%, 1959 г. и 1970 г. – 21% и в 1979 г. – 26%, т.е. один руководитель приходился на 3–4 рядовых сотрудника. Данные о численности лиц, занятых в управлении, по советским переписям несопоставимы со сведениями 1897 г. Но они сравнимы между собой, так как критерии отнесения людей к категории управленцев были тождественными – к занятым в государственном управлении относили руководителей партийной, исполнительной и законодательной власти. Рядовые чиновники отдельно не выделялись, растворяясь в общей массе служащих, и идентифицировать их в материалах переписи невозможно.

Для оценки степени равенства при комплектовании структур управления используется индекс этнополитической репрезентативности (далее ИЭПР) – соотношения процента представителей этноса среди чиновников-управленцев и среди всего самодеятельного населения [Миронов 2017: 197–210; Русские..., 1992]. В литературе этот операционный показатель также называется индексом этнической дискриминации, индексом участия, в англоязычных исследованиях – индексом репрезентативности (ethnic representation proportionality index). Он позволяет оценить степень политического неравенства и ранжировать этносы по этому показателю. Если индекс больше или меньше 1, то этнос избыточно либо недостаточно представлен во властных структурах. Если равен 1, права этого этноса при формировании органов управления адекватно учтены. Участие этносов в управлении измеряет другой операционный показатель – процент их выдвиженцев в советских и партийных, правоохранительных и судебных структурах.

Оценим динамику этнополитической репрезентативности по стране в целом. Рамки статьи позволяют привести относительные сведения и суммарную информацию о русских и нерусских (табл. 1).

В 1897 г. нерусские народы участвовали в комплектовании властных структур ниже демократической нормы в 1,6 раза ($1,00 : 0,61 = 1,6$) и меньше, чем русские, в 2,3 раза ($1,43 : 0,61 = 2,3$). Этнополитическое неравенство не подлежит сомнению. Вместе с тем нерусские граждане имели представителей в органах власти. В 1926 г. ИЭПР нерусских повысился во всех структурах власти с 0,61 до 0,79, их представительство стало в 1,3 раза ниже демократической нормы. В последующем повышательная тенденция набирала силу, к 1989 г. неравенство минимизировалось: ИЭПР нерусских равнялся 0,93, русских – 1,06. Русские утратили привилегии. В разных сферах управления этническое неравенство изживалось разными темпами. В госаппарате равенство стало фактом в 1959 г. В аппарате общественных и партийных организаций 1989 г. ИЭПР русских немного превышал демократическую норму (1,05). В органах правопорядка и суда до и после 1917 г. нерусские представлены хуже русских, но неравенство уменьшалось. В судебных учреждениях у нерусских в 1926 г. ИЭПР равнялся 0,78, в 1989 г. – 0,91, у русских соответственно – 1,17 и 1,08. В милиции в 1926 г. ИЭПР нерусских – 0,74, русских – 1,21, в 1989 г. соответственно – 0,90 и 1,09. В вооруженных силах ИЭПР нерусских составил в 1897 г. 0,77, русских – 1,25, в 1926 г. – соответственно 0,67 и 2,79. В дальнейшем информация об этническом составе армии стала закрытой. Можно предположить по отрывочным сведениям, что впоследствии доля русских в армии оставалась выше их доли в населении.

Таблица 1

**Представительность нерусских и русских в органах власти Российской империи*
и СССР в 1897, 1926, 1959, 1979 и 1989 гг.**

Этнос	1897	1926	1959	1979	1989
<i>Госаппарат</i>					
Нерусские	–	0,81 ^а	1,00	0,99	1,00
Русские	–	1,15 ^а	1,00	1,01	1,00
15 титульных этносов	–	1,02 ^а	0,99	1,00	1,00
<i>Партаппарат</i>					
Нерусские	0,62 ^б	0,81	0,79	0,91	0,94
Русские	1,42 ^б	1,15	1,18	1,07	1,05
15 титульных этносов	1,10 ^б	1,02	1,03	1,02	1,01
<i>Судебные учреждения</i>					
Нерусские	–	0,78	0,94	0,89	0,91
Русские	–	1,17	1,05	1,09	1,08
15 титульных этносов	–	1,01	0,93	0,99	1,01
<i>Органы правопорядка</i>					
Нерусские	–	0,74	0,74	0,84	0,90
Русские	–	1,21	1,22	1,13	1,09
15 титульных этносов	–	1,06	1,05	1,01	1,01
<i>Управление, органы правопорядка и суда</i>					
Нерусские	0,61	0,79	0,84	0,91	0,93
Русские	1,43	1,17	1,14	1,07	1,06
15 титульных этносов	1,09	1,03	1,02	1,01	1,01
<i>Армия</i>					
Нерусские	0,77	0,67 ^в	0,89 ^г	–	–
Русские	1,25	2,79 ^в	1,09 ^г	–	–
15 титульных этносов	1,04	0,80 ^в	1,04 ^г	–	–

Примечания. *Здесь и далее в сведениях по Российской империи не учитывается Финляндия.
^аВ 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе. ^бСлужители
культы. ^вПо выборочным данным. ^гВ графе 1959 г. сведения за 1942–1943 гг.

Источники для этой и всех последующих таблиц в статье: [Общий свод..., 1905: 226–255; Все-
союзная перепись населения 1926 года; Всесоюзная перепись населения 1959 года; Всесоюзная
перепись населения 1979 года; Всесоюзная перепись населения 1989 года; Труд в СССР, 1988: 16–25,
118, 125–127].

В эшелонах власти степень репрезентативности нерусских и русских различна. В 1926 г. русские имели предпочтение при формировании госаппарата всех уровней, но в большей степени на высшем: ИЭПР русских в низшем эшелоне 1,14, в среднем – 1,15, в высшем – 1,27, а нерусских соответственно – 0,83, 0,81 и 0,66. К 1959 г. в государственном аппарате этническое неравенство существенно уменьшилось. На среднем и низшем уровнях управления она исчезло (табл. 2).

В партийных органах, по данным за 1959 г. (на другие даты сведений нет), ситуация другая – русские имели преимущество на всех уровнях: их ИЭПР в низшем звене 1,27, в высшем эшелоне – 1,17, у нерусских – 0,69 и 0,80. К концу советского периода этническое неравенство при формировании органов управления значительно уменьшилось, в госаппарате исчезло. Но в партаппарате, высшем звене исполнительной власти и силовых структурах представительство русских было немного выше их доли в населении.

Таблица 2

**Представительность нерусских и русских в разных сферах управления СССР
в 1926, 1959, 1989 гг.**

Уровень управления	Русские			Нерусские		
	1926	1959	1989	1926	1959	1989
Госаппарат	1,15*	1,00	1,00	0,81	1,00	1,00
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,14	–	0,66	0,84	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,06	–	0,81	1,04	–
руководители первичных организаций	1,14	1,00	–	0,83	1,00	–
Партаппарат	1,15*	1,18	1,05	–	0,79	0,94
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,17	–	–	0,80	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,11	–	–	0,88	–
первичных организаций	1,14	1,27	–	–	0,69	–
Гос- и партаппарат, суд, милиция	1,17	1,07	1,06	0,79	0,84	0,93

Примечание. *В 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе.

Рассмотрим сведения об участии отдельных этносов в управлении. Процент нерусских во властных структурах увеличивался. В 1897 г. он равнялся 32,2, в 1926 г. – 35,2, в 1989 г. – 43,8. В 1987 г. в структурах власти в целом русские численно были представлены чуть выше своей доли в населении страны (табл. 3).

С 1959 г. по 1979 г. госаппарат увеличился в 1,1 раза, партаппарат – в 2,5 раза, соответственно процент занятых в нем вырос с 37 до 56. Партийное руководство стало преобладать над советским степенью власти и количественно. Эта тенденция сохранилась в годы перестройки: партийный аппарат уменьшился на 17,5%, советский аппарат – на 86,3%, перекося в пользу первого увеличился [Народное хозяйство..., 1990: 50].

Таблица 3

**Этнический состав органов управления и занятого населения Российской империи и СССР
в 1897, 1926, 1959, 1979 и 1989 гг. (в %)**

Сфера управления	Нерусские	Русские	15 титульных этносов
1897			
Население	52,7	47,3	78,1
Управление, суд, полиция	32,2	67,8	85,3
1926			
Население	44,5	55,5	80,5
Управление, суд, полиция	35,2	64,8	82,9
1959			
Население	46,4	53,6	88,4
Управление, суд, полиция	38,8	61,2	90,1
1979			
Население	44,9	55,1	89,5
Управление, суд, полиция	40,9	59,1	90,3
1989			
Население	46,9	53,1	90,1
Управление, суд, полиция	43,8	56,2	91,0

Оценим участие этносов в структурах власти (табл. 4).

Таблица 4

**Национальный состав органов власти Российской империи и СССР
в 1897, 1926, 1959, 1979, 1989 гг. (в %)**

Этнос	1897	1926	1959	1979	1989
<i>Милиция</i>					
15 титульных этносов	–	81,4	92,4	90,5	91,5
Нерусские	–	33,0	34,6	37,9	42,0
Русские	–	67,0	65,4	62,1	58,0
<i>Судебные учреждения</i>					
15 титульных этносов	–	81,4	82,0	89,1	90,6
Нерусские	–	34,9	43,6	40,1	42,8
Русские	–	65,1	56,4	59,9	57,2
<i>Управление, органы правопорядка и суда</i>					
15 титульных этносов	85,3	82,9	90,1	90,3	91,0
Нерусские	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8
Русские	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2
<i>Армия</i>					
15 титульных этносов	80,7	68,0*	92,3**	–	–
Нерусские	40,7	27,0*	36,9**	–	–
Русские	59,3	73,0*	63,1**	–	–

Примечания. *В 1926 г. на основе выборочных данных. **В 1959 г. сведения о составе действующей армии в 1943 г.

Источники: [Артемьев, 1975: 58] (данные о составе двухсот стрелковых дивизий численностью свыше миллиона военнослужащих в 1943 г.), а также источники, указанные в примечании к табл. 1.

В 1897 г. нерусские участвовали в управлении, хотя их доля была в 2 раза меньше доли русских – 32,2 против 67,8%. К 1926 г. во всех органах власти процент нерусских повысилась до 35,2, в 1959 г. – до 38,8, в 1989 г. – до 43,8. Участие нерусских росло и в силовых структурах, но до конца советского режима они были недопредставлены.

В национальной политике Российской империи Центр опирался на местные элиты [Миронов, 2017: 378], но не ставил цель огосударствить межэтнические отношения, наделить государственным суверенитетом народы «национальных окраин», прекрасно сознавая опасность такой политики для единства страны. Советская Москва стала последовательно утверждать демократический принцип формирования органов управления кадрами коренных этносов. Доля нерусских в управлении в целом по стране росла, как правило, оставаясь ниже 50, потому что вплоть до 1991 г. процент русских в населении страны был выше половины (в 1989 г. составлял 50,8% во всем населении и 53,1% в занятом населении). Это давало русским небольшое численное превосходство в эшелонах власти. Подчеркнем, этнополитический статус повышался у всех нерусских этносов, не только у титульных. Доля нерусских в органах управления составляла в 1897 г. – 32,2%, в занятом населении – 52,7%, ИЭПР – 0,68; в 1926 г. – 36,5, т.е. 47,9 и 0,76 соответственно; в 1959 г. – 38,7, т.е. 46,4 и 0,83 соответственно; в 1979 г. – 41,2, т.е. 47,6 и 0,87 соответственно и в 1989 г. – 48,7, т.е. 49,2 и 0,99 соответственно. К 1989 г. нерусские представлены в органах управления близко к демократической норме и занимали около половины руководящих должностей (табл. 1).

Повышение политического статуса касалось *всех нерусских народов* (табл. 5). Большинство из них участвовали в управлении «торьмой народов», как называют Российскую империю

Таблица 5

**Национальный состав занятого населения и органов власти Российской империи и СССР
в 1897, 1959, 1979 и 1989 г. (в % по столбцу)**

Этнос	1897	1959	1979	1989	1897	1959	1979	1989
	управление				население			
Азербайджанцы	–	1,0	1,7	2,1	–	1,1	1,6	2,0
Армяне	0,8	1,0	1,7	1,5	1,6	1,1	1,5	1,4
Башкиры	0,1	0,3	0,5	–	0,5	0,4	0,5	–
Белорусы	2,3	3,4	3,2	3,7	3,6	4,2	3,8	3,8
Грузины	0,9	1,2	1,1	2,0	1,4	1,2	1,3	1,4
Евреи	0,8	1,6	0,8	–	0,7	1,0	0,6	–
Казахи	1,3	1,6	2,6	3,1	2,5	1,2	1,8	2,4
Киргизы	–	0,3	0,5	0,6	0,7	0,4	0,5	0,7
Латыши	1,1	0,6	0,6	0,6	0,5	0,7	0,5	0,5
Литовцы	0,8	0,9	1,0	1,0	1,1	1,1	1,0	1,1
Молдаване	0,3	0,3	0,6	0,8	1,1	1,2	1,1	1,2
Немцы	1,7	–	–	–	0,7	0,8	0,7	–
Русские	67,8	61,2	59,1	56,2	47,3	53,6	55,1	53,1
Таджики	0,0	0,4	0,7	0,7	1,1	0,5	0,8	1,0
Татары	1,4	2,2	2,3	–	2,4	2,4	2,5	–
Туркмены	0,0	0,3	0,4	0,6	0,8	0,3	0,5	0,7
Узбеки	0,0	1,6	2,5	2,7	4,8	2,3	3,4	4,4
Украинцы	9,3	15,4	14,1	15,0	16,2	19,1	16,4	16,0
Эстонцы	0,8	0,5	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4
Якуты	–	0,2	0,3	–	0,1	0,1	0,1	–
Нерусские	32,2	38,8	40,9	43,8	52,7	46,4	44,9	49,9

историки бывших союзных и некоторых автономных республик [Миронов, 2017: 121–139]. Из 118 народов, учтенных переписью 1897 г., 97 имели в органах управления хотя бы одного представителя. Среди них были алеуты, гиляки, камчадалы, тунгусы, цыгане, эскимосы, якуты и другие. Более 10 представителей имели 79 народов, более 100 – 55 народов и более 1000 – 22 народа. В органах власти участвовали 2587 евреев, в том числе 7% за пределами черты оседлости [Общий свод..., 1905: 335]. Среди чиновников процент нерусских (в основном в структурах местного управления) был 32,2. В «национальных окраинах» (в регионах Советского Союза без Российской Федерации) в управлении численно преобладали нерусские – 56,5% чиновников. Это доказывает: в «национальных окраинах» центральное правительство опиралось на местные элиты. В советскую эпоху их присутствие в органах управления возросло, к 1979 г. их репрезентативность приблизилась к демократической норме. Выдвиженцы нерусских этносов трудились во всех эшелонах власти (сведения об этом имеются в переписях 1926 и 1959 гг.) (табл. 6).

В 1959 г. доля евреев в государственном и партийном аппарате составляла 1,72% (в том числе в высшем эшелоне – 5,31%), в населении – 1,04%. Они были представлены в гос- и партаппарате в 1,65 раза выше, в высшем эшелоне – в 5 раз выше демократической нормы (их ИЭПР 1,65 и 5,09 соответственно).

В 1897–1989 гг. по Союзу в целом участие нерусских в органах власти повышалось с ускорением, русских, наоборот, снижалось. В 1897–1926 гг., за 29 лет, доля русских упала на 3 процентных пункта, в 1926–1959 гг., за 33 года, – на 3,6, в 1959–1989 гг., за 30 лет, – на 8,1 пункта. Ошибочно думать, что в 1897–1926 гг. прирост доли нерусских в органах управления произошел в послереволюционное десятилетие. Привлечение в органы власти местных элит всегда являлось принципом национальной политики правительства

Таблица 6

**Национальный состав государственного и партийного аппарата СССР
в 1926 и 1959 гг. на разных уровнях**

Этнос	Индекс репрезентативности				Процент в аппарате (%)			
	I*	II*	III*	всего	I*	II*	III*	всего
1926								
Русские	1,25	1,11	1,12	1,13	69,30	61,70	62,20	62,60
Нерусские	0,69	0,86	0,85	0,84	30,70	38,30	37,80	37,40
Итого	1,00	1,00	1,00	1,00	100,00	100,00	100,00	100,00
1959								
Азербайджане	0,74	1,05	1,24	1,07	0,81	1,16	1,36	1,17
Армяне	1,36	0,97	0,96	1,04	1,43	1,02	1,01	1,10
Башкиры	0,40	0,92	1,53	1,07	0,15	0,33	0,56	0,39
Белорусы	0,72	0,81	0,77	0,77	3,01	3,39	3,25	3,25
Грузины	1,01	0,97	1,04	1,01	1,23	1,18	1,25	1,22
Евреи	5,09	1,19	0,45	1,65	5,31	1,24	0,47	1,72
Казахи	1,16	1,61	2,23	1,78	1,36	1,87	2,61	2,08
Киргизы	1,04	1,25	1,39	1,27	0,39	0,47	0,53	0,48
Латыши	0,99	1,07	1,27	1,13	0,69	0,75	0,89	0,79
Литовцы	0,68	1,24	1,35	1,18	0,76	1,39	1,51	1,32
Молдаване	0,12	0,18	0,61	0,35	0,14	0,21	0,71	0,41
Русские	1,15	1,09	1,01	1,07	61,72	58,33	53,92	57,17
Таджики	0,88	1,14	0,76	0,93	0,43	0,56	0,37	0,45
Татары	0,59	0,94	1,01	0,90	1,30	2,07	2,23	1,98
Туркмены	1,37	1,58	1,11	1,35	0,47	0,54	0,38	0,46
Узбеки	0,57	0,82	0,66	0,71	1,32	1,89	1,53	1,63
Украинцы	0,65	0,84	1,01	0,88	12,44	16,08	19,37	16,73
Эстонцы	1,65	1,71	1,09	1,44	0,76	0,79	0,51	0,67
Якуты	1,62	4,12	4,04	3,60	0,15	0,39	0,38	0,34
Другие	0,78	0,80	0,91	0,84	6,12	6,35	7,17	6,64
Нерусские	0,83	0,90	0,99	0,92	38,28	41,67	46,08	42,83
Итого	1,00	1,00	1,00	1,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Примечание. *I – общесоюзные, республиканские, областные органы; II – районные и городские органы; III – руководители первичных организаций.

Российской империи [Миронов, 2017: 152–163]. Политика коренизация (создание автономий, выдвижение в руководство представителей местных элит, внедрение национальных языков в делопроизводство и образование, развитие средств массовой информации на коренных языках) [Мартин, 2011], начатая в 1920-е гг., не просто продолжила политику С.-Петербурга, но подняла ее на уровень суверенизации, поставив цель создать из союзных республик суверенные по сути государства. Политика коренизации в некоторых аспектах закончилась в 1930-е гг., но в основном – в суверенизации республик – продолжалась до последних дней советского режима. В 1897–1989 гг. повышение роли нерусских в органах власти шло за счет повышения их этнополитического статуса (ИЭПР вырос с 0,61 до 0,93), доля нерусских в населении страны уменьшилась на 6,5 п.п. В 1979–1989 гг. падение процента русских в управлении ускорилось под воздействием рождаемости у нерусских народов: доля русских в населении упала на 1,6 п.п., а нерусских выросла на 1,6 пункта. К 1999 г., через 10 лет после распада, при сохранении СССР и темпов динамики русских и нерусских, нерусские превратились бы в большинство, дерусификация набирала бы силу.

После дезинтеграции Советского Союза в постсоветских республиках так и произошло. В 1989 г. в СССР проживало 286 млн, из которых 145 млн, или 51%, были русскими. В 2018 г. на постсоветском пространстве насчитывалось около 295 млн человек, из них 125 млн, или 42%, русских². Всего через 29 лет после распада численность населения бывших 15 союзных республик возросла примерно на 9 млн, русских сократилась на 20 млн, их доля упала на 9%. Русские стали меньшинством. При сохранении СССР депопуляция русских привела бы к падению их участия в органах власти. Произошли бы другие перемены в национальном составе чиновников, поскольку динамика населения в ряде республик была иной. С 1989 по 2019 г. в 6 республиках – Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Казахстан и Азербайджан, население увеличилось на 26,5 млн, в республиках РСФСР, Эстонии, Украине, Молдавии, Литве, Латвии, Белоруссии, Грузии и Армении сократилось на 16,5 млн³ [Как изменилась численность..., 2020].

Еще один факт: нерусские народы обрели государственность после 1917 г. и увеличили участие в управлении в большей степени, чем нерусские народы, не имевшие государственности. За 1897–1989 гг. в «национальных окраинах» процент представителей 14 титульных народов (без русских) среди управленцев увеличился на 39,6 пункта (с 35,0 до 74,6), а нерусских этносов в целом – на 20,0 пунктов (с 59,5 до 79,5). В союзных республиках, включая Российскую Федерацию, наблюдалось вытеснение русских из органов управления с разной интенсивностью (табл. 7).

В наименьшей степени была дерусифицирована Россия. В ней в 1897–1979 гг. процент титульного народа (русских) среди чиновников понизился с 89,3 до 82,4 (к 1989 г. до 81,6), а в населении РСФСР повысился с 80,5 до 82,4. Доля нерусских в управлении поднялась с 10,7 до 17,6% (к 1989 г. до 18,4%), вследствие повышения их представительности – ИЭПР вырос с 0,55 до 1,00. Не после 1959 г. они представлены в структурах власти пропорционально численности.

Вытеснение русских из органов власти в «национальных окраинах» происходило интенсивнее. На территории 14 союзных республик при советской власти в 1897 г. процент русских среди чиновников равнялся 40,5. После 1927 г. он к 1989 г. упал до 20,5. Роль местных кадров в органах власти выросла, их доля среди чиновников поднялась с 59,5 до 79,5%. С 1897 по 1989 г. индекс репрезентативности русских рухнул в 2,8 раза (с 2,89 до 1,02), нерусских вырос в 1,4 раза – с 0,69 до 0,99. В результате к 1989 г. в целом по 14 союзным республикам (СССР без РСФСР) русские и нерусские были представлены во властных структурах близко к демократической норме: ИЭПР русских равнялся 1,02, нерусских – 0,99. Однако в 5 из 14 союзных республик (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Эстония) русские были недопредставлены, титульные этносы преобладали во властных структурах в абсолютном и в процентном отношениях, контролировали управление в 12 из 14 союзных республик. Лишь в Казахстане и Латвии они не располагали большинством. В Казахстане в силу малочисленности (в 1989 г. доля казахов равнялась 28,6%), в Латвии в силу недопредставленности латышей в управлении (табл. 7). Однако и в КазССР и ЛатССР русские в органах власти находились в меньшинстве.

К 1989 г. представители титульного этноса заняли господствующие позиции среди руководителей высшего звена в производственных отраслях хозяйства страны (табл. 8). Это происходило по мере роста численности национальных кадров. В 1926 г., кроме русских, два этноса, армяне и грузины, преобладали среди хозяйственных управленцев титульных республик. В 1959 г. их число возросло до 7, в 1979 г. – до 9. В 1989 г. только казахи не были в большинстве. Но их процент в населении республики составлял 39,7%.

²Численность русских. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Численность_русских (дата обращения: 06.11.2020).

³Как изменилась численность населения бывших Советских республик за последние 30 лет? URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/kak-izmenilas-chislennost-naseleniia-byvshih-sovetskikh-respublik-za-poslednie-30-let-5dab00208600e100b133a238?utm_source=serp (дата обращения: 06.11.2020).

Таблица 7

Дерусификация управления в союзных республиках в 1917–1989 гг.

Союзная республика, этнос	Индекс репрезентативности					Доля этноса в управлении (в %)				
	1897	1926	1959	1979	1989	1897	1926	1959	1979	1989
РСФСР: русские	1,11	1,10	1,00	1,00	1,01	89,3	81,8	82,5	82,4	81,6
нерусские	0,55	0,70	1,02	1,00	0,97	10,7	18,2	17,5	17,6	18,4
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	–	0,84	0,94	1,04	1,03	–	49,0	56,1	77,9	83,3
русские	3,35	1,43	1,18	0,86	0,79	84,3	17,5	17,2	8,4	5,3
Армянская ССР: армяне	0,83	1,14	1,06	1,05	1,03	39,3	94,5	92,4	94,4	97,0
русские	3,52	0,50	0,72	0,49	0,75	23,4	1,2	2,7	1,4	1,3
Белорусская ССР: белорусы	0,70	0,69	0,85	0,93	–	30,7	57,5	69,5	72,5	–
русские	4,50	2,18	3,10	1,50	–	42,0	16,6	20,7	19,0	–
Грузинская ССР: грузины	0,67	1,08	1,11	1,11	1,11	50,2	69,5	72,0	76,5	79,2
русские	5,24	1,91	0,70	0,66	0,66	32,5	8,0	7,5	5,2	4,3
Казахская ССР: казахи	0,23	0,42	1,57	1,45	–	16,2	24,7	38,3	41,5	–
русские	3,46	2,74	0,96	0,90	–	77,8	51,2	43,6	40,7	–
Киргизская ССР: киргизы	0,15	0,35	1,00	1,17	–	11,7	24,1	38,5	47,4	51,0*
русские	6,82	4,38	1,14	1,05	–	78,1	45,9	36,9	33,4	–
Латвийская ССР: латыши	0,36	–	0,78	1,04	0,95	15,9	–	48,5	51,9	46,8
русские	4,17	–	1,48	1,00	1,06	29,6	–	37,9	34,6	36,5
Литовская ССР: литовцы	0,40	–	0,87	1,00	0,98	11,9	–	69,5	77,3	75,9
русские	5,09	–	2,53	1,28	1,33	48,4	–	19,9	13,0	13,3
Молдавская ССР: молдаване	0,25	–	0,56	0,81	–	10,2	–	37,7	50,4	–
русские	2,33	–	3,60	1,71	–	76,0	–	30,9	22,5	–
Таджикская ССР: таджики	0,87	0,55	1,00	1,07	–	23,8	40,4	50,3	56,7	–
русские	11,83	13,00	1,48	1,25	–	49,7	35,0	23,3	18,3	–
Туркменская ССР: туркмены	0,20	0,36	0,85	1,01	–	10,6	25,7	47,9	62,8	–
русские	4,09	6,35	1,32	1,16	–	69,6	46,2	28,9	19,9	–
Узбекская ССР: узбеки	0,28	0,60	0,83	0,96	0,96	15,8	40,6	49,5	61,1	64,6
русские	11,83	6,19	1,47	1,20	1,25	49,7	49,2	23,4	17,3	13,6
Украинская ССР: украинцы	0,73	0,66	0,87	0,97	–	53,3	55,0	68,1	70,0	–
русские	3,23	2,75	1,62	1,14	–	38,9	23,0	25,2	25,1	–
Эстонская ССР: эстонцы	0,62	–	0,89	1,12	1,00	52,4	–	66,1	66,9	58,5
русские	3,72	–	1,37	0,81	0,98	28,3	–	26,4	25,1	31,2
СССР: русские	1,43	1,22	1,14	1,07	1,06	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2
нерусские	0,61	0,76	0,84	0,91	0,93	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8
15 титульных этносов	1,06	0,96	0,97	1,00	1,01	85,3	82,9	90,1	90,3	90,1
СССР без РСФСР: русские	2,89	1,67	1,65	1,11	1,02	40,5	27,9	25,0	23,7	20,5
нерусские	0,69	0,87	0,88	0,97	0,99	59,5	72,1	75,0	76,3	79,5
14 титульных этносов	0,63	0,93	0,89	0,99	1,02	35,0	82,2	61,8	69,9	74,9

Примечание. *Оценка.

В Молдавии на долю титульного народа приходилось около половины управленцев, вместе с представителями других нерусских народов более 70%. Динамика роста хозяйственной элиты была позитивной: в среднем у 14 народов доля титульных управленцев повысилась на 35 п.п. Наибольший прирост наблюдался у народов с низкой стартовой позицией – азербайджанцы (76 п.п.) и туркмены (61,9 п.п.), а наименьший у народов с высокой

Таблица 8

**Представители титульного этноса среди руководителей высшего звена
в производственных отраслях народного хозяйства, 1926–1989 гг. (в %)**

Союзная республика, этнос	1926	1959	1979	1989	Изменение в 1926–1989
РСФСР: русские	82,6	81,0	83,4	77,3	-5,3
нерусские	17,4	19,0	16,6	22,7	+5,3
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	17,8	49,0	73,5	93,8	+76,0
Армянская ССР: армяне	93,1	92,4	94,4	99,4	+6,3
Белорусская ССР: белорусы	40,6	59,3	71,6	77,7	+37,1
Грузинская ССР: грузины	58,2	72,7	83,2	89,3	+31,1
Казахская ССР: казахи	10,6	19,3	25,4	39,5	+28,9
Киргизская ССР: киргизы	6,9	20,3	29,6	55,1	+48,2
Латвийская ССР: латыши	–	50,1	51,3	63,1	+13,0*
Литовская ССР: литовцы	–	71,4	81,8	91,5	+20,1*
Молдавская ССР: молдаване	–	21,9	43,7	50,0	+27,9*
Таджикская ССР: таджики	22,9	30,1	38,8	66,3	+43,4
Туркменская ССР: туркмены	9,9	32,0	53,2	71,8	+61,9
Узбекская ССР: узбеки	19,8	34,4	42,8	67,6	+47,8
Украинская ССР: украинцы	40,4	57,9	66,7	79,0	+38,6
Эстонская ССР: эстонцы	–	74,4	71,1	82,2	+7,8*

Примечание. *В этой и последующей таблице звездой отмечено изменение в 1959–1989 гг.

начальной точкой – армяне (6,3 п.п.) и эстонцев (7,8 п.п.). В РСФСР процент титульных русских управленцев понизился на 5,3 пункта. Произошло выравнивание этнических статусов, что видно по данным об этнической представительности народов в хозяйственной элите (табл. 9). Национальная элита развилась или сформировалась в непроизводственных

Таблица 9

**Индекс этнополитической репрезентативности среди руководителей высшего звена
в производственных отраслях народного хозяйства**

Союзная республика, этнос	1926	1959	1979	1989	Изменение в 1926–1989
РСФСР, русские	1,08	0,98	1,01	0,95	-0,13
нерусские	0,73	1,11	0,95	1,23	0,49
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	0,31	0,82	0,98	1,13	0,83
Армянская ССР: армяне	1,12	1,06	1,05	1,07	-0,06
Белорусская ССР: белорусы	0,48	0,72	0,92	1,00	0,51
Грузинская ССР: грузины	0,90	1,12	1,20	1,27	0,37
Казахская ССР: казахи	0,18	0,79	0,88	0,99	0,81
Киргизская ССР: киргизы	0,10	0,53	0,73	1,05	0,95
Латвийская ССР: латыши	–	0,80	1,03	1,21	0,41*
Литовская ССР: литовцы	–	0,90	1,06	1,15	0,25*
Молдавская ССР: молдаване	–	0,32	0,70	0,77	0,45*
Таджикская ССР: таджики	0,31	0,60	0,73	1,06	0,75
Туркменская ССР: туркмены	0,14	0,57	0,82	1,00	0,86
Узбекская ССР: узбеки	0,26	0,58	0,82	0,95	0,69
Украинская ССР: украинцы	0,97	0,74	0,92	1,09	0,12
Эстонская ССР: эстонцы	–	1,00	1,19	1,34	0,34*

сферах народного хозяйства (финансы, торговля и др.), в культуре и науке, образовании и медицине и т.д. [Народное образование..., 1989: 16, 202, 237, 256].

Исследование позволяет сделать следующие выводы. Нерусские этносы были представлены в органах власти задолго до революции 1917 г. ниже демократической пропорции. Но их недопредставленность, исключая евреев, обуславливалась преимущественно дефицитом национальных кадров и плохим знанием русского языка, а не правовыми ограничениями, т.е. ее некорректно считать политической дискриминацией [Миронов, 2010: 148–152]. Коренизация, или национализация, управления проходила до последних дней советской власти. Украинизация, белорусизация, башкиризация, туркменизация, узбекизация, татаризация, якутизация и др. поддерживались Центром и на всех уровнях власти как демократические и прогрессивные процессы. Русификация, или русизация, рассматривалась как проявление великодержавного шовинизма. В 1897–1990 гг. в целом в стране роль нерусских этносов в органах власти повышалась, а русских снижалась. Обратной стороной коренизации являлась дерусификация управления по Советскому Союзу и во всех союзных и автономных республиках. Меньше всего дерусификация затронула Российскую Федерацию. С наибольшей интенсивностью проходила она в «национальных окраинах». К 1979 г. в органах власти союзных республик нерусские и русские были представлены близко к демократической норме. Благодаря большой численности титульные этносы преобладали во властных структурах абсолютно и относительно. В 1989 г. в 9 из 15 союзных республик коренные народы располагали квалифицированным большинством, согласно республиканским конституциям имели возможность принять любые законы и провести любые реформы. В Киргизии, Молдавии, Таджикистане и Эстонии титульные народы имели простое большинство; в Казахстане (в силу малочисленности) и в Латвии (ввиду недопредставленности латышей в управлении) они не располагали большинством. Однако и в этих двух республиках русские во властных структурах находились в меньшинстве, а по доле среди управленцев уступали титульным этносам.

Распад Советского Союза имел объективные предпосылки, сложившиеся под влиянием национальной политики Центра, ставившей целью укоренить управление и выровнять уровни развития союзных республик, обеспечив их ускоренное развитие, в том числе за счет развитых и богатых ресурсами республик, прежде всего РСФСР. Всесторонний прогресс республик способствовал возникновению и развитию образованных и квалифицированных национальных кадров. Коренизируя, национализируя управление, Москва стимулировала формирование в республиках национальных элит. Национальная элита, госаппарат и управляющий класс считаются атрибутами национального государства. При наличии территории (с признанными границами и населением), государственной символики и конституции (в 1924 г. наделившей союзные республики суверенитетом и правом на самоуправление вплоть до отделения) они к 1979 г. стали обладать всеми атрибутами реального государства, а титульные этносы превратились в нации. При желании или необходимости они могли отделиться от СССР и существовать независимо. После этого судьба Советского Союза оказалась во власти местных элит и зависела от конъюнктуры. Решающим стал вопрос о реальных и воображаемых выгодах (в широком смысле) и привлекательности отделения. Республики развивались в рамках единого государства в период созревания, стабильности и процветания Советского Союза. В условиях кризиса советской системы в 1980-е гг. у национальных элит появились как реальная возможность, так и соблазн отделиться, найти свой выход из кризиса и свой путь к благосостоянию. Взрыв национализма, подтолкнувший республики к отделению, произошел в результате политической мобилизации этносов, проведенной национальными элитами. «СССР распался не столько в результате действия неких исторических законов и стремления народов к национальному самоопределению, – поставил диагноз в начале 1990-х гг. В.А. Тишков, – а в результате глубокого раскола советской элиты, отдельные группы которой прежде всего и самоопределились» [Тишков, 1996: 37]. Следует согласиться: советская национальная политика по сути в рамках мультикультуральной модели объективно способствовала

возникновению и развитию национальных государств, которые в случае необходимости могли отделиться [Тишков, 1994: 9; Тишков, Шабаев, 2011: 154–155; Буровский, 2004: 214–215; Мартин, 2011: 32; Hirsch, 2005; Lane, 1996; Slezkine, 1994: 414–452; Walker, 2003: 193–202]. Центр своими руками создал предпосылки и возможность распада страны. Мотивация в разные периоды была различной [Аманжолова, Красовицкая, 2020: 96–172]. Отказ от идеи единой нации, основанной на общем гражданстве, в пользу национальных государств стимулировал развитие национализма в республиках, создал национальную колею, сойти с которой в будущем представляло огромные трудности.

Отсюда сомнения в состоятельности советского проекта национально-государственного строительства, ставившего целью, как поется в гимне СССР, создание «единого, могучего, нерушимого Союза» из «республик свободных». Задача по созданию свободных республик была выполнена. Но руководство страны не нашло механизма согласования интересов свободных республик в едином многонациональном государстве в долгосрочной перспективе [Тощенко, 2003: 53, 121], хотя и имело успехи в кратко- и среднесрочной перспективе. Огосударствление межнациональных отношений привело к суверенизации союзных республик, ставшей ключевым, но не единственным фактором распада СССР. Дезинтеграция Советского Союза была не случайностью, а процессом, не развалом, вызванным главным образом ошибками перестроечного времени, советской национальной политикой, имманентным стремлением национальных элит к суверенитету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2020.
- Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975.
- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 29–38.
- Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ИС РАН, 1998.
- Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. М.: АСТ, 2004.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. Т. 18–34. М., 1928–1930.
- Всесоюзная перепись населения 1959 года // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562 «Центральное статистическое управление СССР». Оп. 336. Д. 2839, 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.
- Всесоюзная перепись населения 1979 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7466–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.
- Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Мысль, 1996.
- Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ЦОЦ, 2003.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 10 т. Т. 8: Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. Ч. 1. М.: Би., 1973.
- Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ИЭИА, 1995.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017.
- Народное образование и культура в СССР: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Народное хозяйство СССР в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990.
- Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа: Аналитический доклад. Махачкала, 2017.

- Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1905.
- Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992.
- Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ИС РАН, 1998.
- Социальное неравенство этнических групп: Представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Academia, 2002.
- Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Отв. ред. Л.М. Дробижина, Т.С. Гузенкова. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: Исторический аспект // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат. междунар. конф. [25–27 янв.] 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: М.: Московск. ун-т, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Труд в СССР (статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1988.
- Федорченко С.Н. Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: мат. Всерос. науч. конф. 4 декабря 2009. М.: Научный эксперт, 2010. С. 692–705.
- Ценности и символы этнического самосознания / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 1. P. 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Lane D. The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 1. P. 4–23. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00754.x.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. DOI: 10.2307/2501300.
- Walker E.W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. Berkeley, CA: Berkeley Publ. Policy Press, 2003.

Статья поступила: 17.03.21. Принята к публикации: 21.06.21.

FORMATION OF NATIONAL ELITES AS A FACTOR OF THE USSR DISINTEGRATION //

MIRONOV B.N.

St. Petersburg State University, Russia

Boris N. MIRONOV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (mironov1942@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RFBR grant, project No. 20-09-00353 “The Disintegration of the Soviet Union in the Human Dimension: An Interdisciplinary Study”.

Abstract. The disintegration of the USSR was a natural consequence of the Soviet national policy aimed at accelerating the modernization of the Union republics and equalizing their levels of development. By launching the process of the de-Russification ('korenizatsiya') managerial personnel, Moscow has contributed to the formation of modern national elites on the ground. The implementation of the national-state construction project led to the nationalization of ethnic and interethnic relations and the sovereignization of the Union republics, a key factor in the collapse of the USSR.

Keywords: disintegration of the Soviet Union, national policy, 'korenization' policy, ethnic structure of the state apparatus, ethnic discrimination, de-Russification of the government bodies.

REFERENCES

- All-Union Population Census of 1926*: in 56 vols. (1928–1930) Vols 18–34. Moscow. (In Russ.)
- All-Union Population Census of 1959*. Russian State Archive of Economics (RSAE). Archive 1562 "Central Statistical Office of the USSR". List of files 336. Documents 2839, 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.
- All-Union Population Census of 1979*. RSAE. Archive 1562. List of files 336. Documents 7466–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.
- All-Union Population Census of 1989*. RSAE. Archive 1562. List of files 69. Documents 2570–2578.
- Amanzholova D.A., Krasovitskya T.Yu. (2020) *Cultural Complexity of Soviet Russia: Ideology and Management Practices, 1917–1941*. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)
- Artemyev A.P. (1975) *Fraternal Combat Union of the Peoples of the USSR in the Great Patriotic War*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. (ed.) (1992) *Russian: Ethnosociological Essays*. Moscow: Nauka.
- Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2016) Passed Paths and Some Problems of Modern Russian Ethnosociology. In: Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (eds) *Ethnosociology Yesterday and Today*. Moscow: IEA RAN: 29–38. (In Russ.)
- Beissinger M.R. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Brubaker R. (1994) Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. *Theory and Society*. Vol. 23. No. 1: 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
- Burovskii A. M. (2004) *The Collapse of the Empire: The Course of Unknown History*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1995) *A Conflict Ethnicity and Ethnic Conflicts*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1998) *Asymmetric Federation: Looking from the Center, Republics and Regions*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in 90s*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1998) *Social and Cultural Distances: The Experience of Multinational Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Social Inequality of Ethnic Groups: Representations and Reality*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow: TsOTs. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1994) *Values and Symbols of Ethnic Self-Awareness*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Guzenkova T.S. (eds) (1995) *Sovereignty and Ethnic Self-Consciousness: Ideology and Practice*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Fedorchenko S.N. (2010) The Problem of Quotas in the Russian State Personnel Policy. In: *National Security: The Scientific and State Management Content: Proceedings of the all-Russian Scientific Conference*. December 4, 2009. Moscow: Nauchnyi Ekspert: 692–705. (In Russ.)
- General Summary across the Empire of the Results of the Compilation of Data of the First General Population Census, Carried out on January 28, 1897*: in 2 vols. (1905) Vol. 2. St. Petersburg: Tip. N.L. Nyrkina. (In Russ.)
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Informal Ethnic Quotas in the Multi-Ethnic Republics of the North Caucasus: Analytical Report*. (2017) Makhachkala. (In Russ.)
- Lane D. (1996) The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration. *Political Studies*. Vol. 44. No. 1: 4–23. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00754.x.
- Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2017) *Management of Ethnic Diversity in the Russian Empire*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2021) Disintegration of the USSR in Historiography: Collapse or Dissolution. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. Vol. 66. Iss. 1: 132–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2018) *The Russian Empire: From Tradition to Modernity*: in 3 vols. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in 1989*. (1990) Moscow: Finansy i Statistika. (In Russ.)
- Public Education and Culture in the USSR: Statistics Digest*. (1989) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Results of the all-Union Population Census of 1970*: in 10 vols. (1973) Vol. 8. Part 1. Moscow. (In Russ.)

- Slezkine Y. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. Vol. 53. No. 2: 414–452. DOI: 10.2307/2501300.
- The Labor in the USSR (statistics digest)*. (1988) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1996) *Conceptual Evolution of National Policy in Russia*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1994) Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space: Historical Aspect. In: Tishkov V.A. (ed.) *Ethnicity and Power in Multi-Ethnic States: Proceedings of the International Conference [January, 25–27], 1993*. Moscow: Nauka: 9–34. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. (2011) *Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity*. Moscow: Moskovsk. un-t. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity (Sociological Essays)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Walker E.W. (2003) *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*. Berkeley, CA: Berkeley Publ. Policy Press.

Received: 17.03.21. Accepted: 21.06.21.